

"Ты не эльф". Слова прозвучали недоверчиво и слегка настороженно, и хотя Элион был рад, что понимает общий язык, он не мог не прижаться к рейнджеру чуть ближе.

Он уловил лишь обрывки следующих фраз, и, несмотря на то, что голос Арагорна был совершенно ровным, Элион уловил напряжение в движениях рейнджера по руке, которая все еще лежала на его плече.

"Друг", - медленно произнес он, и в голосе незнакомца все еще слышалась настороженность. Элион не сводил с него глаз, пока тот шел к сломанному мечу - так Арагорн называл Нарсил - и поднимал самый большой осколок. Он слегка поморщился, увидев кровь на пальце мужчины, но тут же забыл об этом, когда незнакомец снова посмотрел на них: его глаза пробежались по лицу Арагорна, опустились к Элиону и снова вернулись к Арагорну, слегка расширившись.

Он что-то резко произнес на общем языке, и меч с грохотом упал на пол; в тишине зала раздался громкий звук, после чего человек повернулся и вышел. Арагорн выждал мгновение, не ослабляя хватки на плече Элиона, пока тот не покинул зал. Тогда рейнджер взглянул на него, и ребенок без труда прочел послание: "Там", "Подожди здесь".

Элион наблюдал, как Арагорн быстрыми шагами пересек зал, почти благоговейно поднял рукоять меча и положил его на постамент, после чего отступил назад, задержав взгляд на мече.

"Почему ты боишься прошлого?"

Элион только и смог, что удержаться от того, чтобы не подпрыгнуть в воздух и не выпалить заклинание. Он не слышал, как подошла эльфийка, и ее голос застал его врасплох, и он отреагировал так же, как и в своем старом мире. Там любой звук мог стать очередной угрозой, но он был рад, что удержался от заклинания, когда понял, что эльфийка была той самой эльфийкой, которая привела Фродо в Ривенделл, и, судя по тому, как вел себя Арагорн, она не представляла угрозы.

"Ты - наследник Исилдура, а не сам Исилдур. Ты не связан с его судьбой".

Элион не обратил внимания на ответ Арагорна, его мысли были заняты тем, что только что поведал эльф. Арагорн достаточно учил его истории, чтобы он знал, что Исилдур был королем Гондора после первого поражения Саурана, и то, что Арагорн стал его наследником, означало, что он был если не королем, то, по крайней мере, принцем. Элион никак не мог взять в толк, почему Арагорн, который должен был занимать важное место в этом мире, заботился о нем. Он не мог понять, почему: он был всего лишь ребенком, ничем не примечательным, но Арагорн относился к нему с добротой и никогда не отталкивал его. Но зачем принцу или королю возиться с таким раздражителем и обузой, как он?

Он оторвался от своих мыслей, услышав слова Арагорна: "Тени становятся все темнее, и путь скрыт от меня. Я не вижу надежды".

Элион не знал, какой порыв движет им, но, не успев до конца осознать, что делает, он пересек комнату и обнял рейнджера. Он прекрасно знал, каково это - идти на войну, чувствуя себя потерянным и безнадёжным, но при этом осознавая, что должен сражаться, и никому не пожелал бы этого. Он не мог снять с Арагорна это бремя, но знал, насколько оно тяжело и как больно. Арагорн был так добр к нему, и он хотел отплатить ему единственным доступным ему способом - простым принятием и привязанностью ребенка.

Арагорн обменялся взглядом с Арвен, которая с мягкой улыбкой смотрела на ребенка, примостившегося на талии рейнджера. Улыбка появилась на губах Арагорна, когда он обнял его в ответ, чувствуя, как страх понемногу уходит перед лицом невинности и простодушной доброты Элиона. На сердце у него стало еще легче, когда Арвен положила легкую руку на его руку, а ее глаза без слов передали его любовь и поддержку.

Элион посмотрел на волшебника, нахмутив брови, а затем опустил взгляд на сферу, которую держал в руке. После завтрака Арагорн привел его к Гэндальфу, и они объяснили друг другу, что его нужно научить контролировать свои силы с помощью сосредоточения и почему его магия может стать мишенью для Врага. Они также объяснили, что он будет учеником Гэндальфа, но на его вопрос, где он будет жить, не ответили: "Это зависит от Совета".

Он не знал, как к этому относиться. С одной стороны, он не возражал против того, чтобы стать учеником волшебника, Гэндальф казался добрым и не пытался причинить ему вреда, и Элион знал, что его нужно научить пользоваться фокусом, но более детская часть его души бунтовала. Они не уточняли, что именно произойдет после совета, и ему казалось, что они и сами не знают, но Элион понимал, что, скорее всего, вскоре ему придется расстаться с Арагорном, а он не хотел этого. Разумом он понимал, что это неизбежно, но это не означало, что ему это должно нравиться. Он хотел остаться с рейнджером. Арагорн был единственным человеком, которому он доверял, и он знал, что рейнджер был добр к нему, хотя он был королем, а Элион - всего лишь ребенком.

Он вздохнул, когда шар в его руке внезапно засветился. В данный момент Гэндальф помогал ему найти и сделать предварительный фокус. Как объяснил старый Истар, это не будет его окончательным фокусом, ему придется создавать другие фокусы по мере роста и посох, когда он достигнет зрелости, но сейчас ему нужен один, чтобы приучить его к сфокусированной магии.

Он сделал шаг вперед, следуя за светящейся сферой, пока не дошел до дерева с прекрасными белыми цветами. Гэндальф последовал за ним, и когда Элион остановился, волшебник наклонился вперед: "Ветка Лайрелоссы", - сказал он. "Проведи магией по дереву, пока не найдешь ветку, резонирующую с магией, - инструктировал Гэндальф, - и как только найдешь ее, используй свою магию, чтобы отломить ветку".

Элион нахмурился, услышав это указание: как он мог провести свою магию через дерево? Гэндальф увидел на его лице замешательство: "Положи руку на кору, - тихо сказал он ему, - а потом призови свою магию через руку и пропусти ее через дерево: ты узнаешь, когда ветка войдет в резонанс".

Элион все еще был в замешательстве, но все же положил свободную руку на кору и закрыл глаза, пытаясь понять, как призвать магию в свою руку. Он закусил губу, сосредоточившись: он не знал, с чего начать, и, хотя перепробовал все, что мог придумать, ничего не получалось, и это начинало расстраивать. Он никогда не был самым терпеливым из людей и обнаружил, что его нетерпение, а также любопытство только усилились, когда он стал ребенком.

Он открыл глаза и уставился на дерево перед собой. Почему ничего не получается? Он нахмурился еще сильнее, и на его лице появилось выражение недовольства, как вдруг он почувствовал толчок глубоко внутри себя и прилив энергии по руке и из ладони. Его магия запела, вливаясь в дерево, извиваясь и ища его, и Элион рассмеялся от радости и волнения, которые вызывала в нем эта магия.

Дыхание перехватило в горле, и он понял, что Гэндальф имел в виду, говоря о знании. По его телу пробежал необычный толчок, когда его магия коснулась одного из протянутых сучьев: он чувствовал ветку, она пульсировала в такт его сердцебиению, и его магия помчалась по ней, покрывая сук золотыми и изумрудными искрами. Пробормотав "Диффиндо", ветка легко отделилась от дерева и упала в его протянутую руку.

Элион провел по ней пальцами: ветка была гладкой, длиной примерно с его руку, и он чувствовал, как его магия реагирует на нее, но в этом была какая-то незавершенность, легкое ощущение, что что-то не так. Он повернулся и посмотрел на старого волшебника с вопросом в глазах, но Гэндальф лишь жестом указал на сферу. Элион быстро взял его в руки, и на этот раз не пришлось ждать, пока он снова засветится и приведет его к дереву, которое он действительно узнал.